

Я сидел на веранде против окна. Следил за тем, как снег, превращается в зеленые лужицы, и вслушивался в первую весеннюю песенку большой синицы. Неожиданно в это время кто-то принялся царапать дверь и издавать странные звуки: «Хур-хур! Тук-тук!»

Я приоткрыл дверь и увидел на пороге ушастого ежа. Есть такие у нас. Они ростом поменьше обыкновенных. Ушки торчат кверху. В общем, забавные зверушки.

— Вот так сюрприз! — воскликнул я, увидев ежика. — Ну что же, приходи, дорогой, гостем будешь.

Ежик не замедлил оказаться на веранде. Отряхнулся, осмотрелся, принялся, засеменил через приоткрытую дверь в комнату. Снова поводит носиком по сторонам, потом засеменил по полу. На ходу постукивает коготками о паркет. Обнюхал ножки стола, стульев, книжного шкафа, серванта. Холодильник обошел. Забрался под кровать и просидел там до вечера.

Я включил электричество. Уселся за стол ужинать. Тут ежик оказался подле стола, посапывает, поднимает голову кверху, становится столбиком.

— Есть хочешь? А ежик в ответ:

— Хур-хур! Тук-тук!

— Отлично,— говорю. Положил в тарелку немного яичницы с колбасой. Съел. Налил молока — выпил. Прекрасно.

Насытившись, ежик незамедлительно убрался под кровать.

Первое время мой колючий квартирант дичился. Выбирался из своего убежища только к завтраку, обеду, ужину. Приметил: после еды пил много воды. Освоившись, ежик принялся совершать прогулки по комнате, кухне, веранде. Особенно неугомонен был вечером. Принялся тащить под кровать оброненные мною газеты, салфетки. Стал уносить полотенца, мои рубашки, даже мочалки. Пытался отнимать — угрожающе тукает, пыхтит, сопит, норовит ударить колючим лбом в руку, укусить за палец.

— Выброшу вон, за порог!— кричу на ежа, а он знай тащит все мягкое под кровать. Наконец ежик прекратил охоту за тряпьем и бумагой. Затих под кроватью. Даже есть не выходит.

— Не заболел ли?— всполошился я.

Заглянул под кровать, из газет и моих полотенцев устроено гнездо. В гнезде лежит

ежик. У его брюшка копошатся безобразные ежата.

— Ах ты поганец! — вскричал я в сердцах. — Так ты оказался ежихой! Ну что я буду делать с твоим выводком? Зверинец открывать?

В ответ ежиха, разумеется, и ухом не повела. Пришлось смириться. Я сплю на кровати. Семья ежеиков под кроватью.

На первых порах ежики меня не беспокоили. Через несколько дней, ночью, слышу под кроватью происходит непонятная возня. Ежиха хрюкает, тукает, сопит, царапает о какую-то жесьть когтями.

— Что за наваждение?— возмущаюсь я. Гляжу под кровать и вижу — ежиха затаскивает по одному ежонку в новенькую самоварную трубу, которую я забыл вынести в кладовую. До утра не давала мне спать негодница со своим переселением.

Как бы то ни было — подросли ежата. Стал я выпускать их с матерью в палисадник. Туда подаю еду, воду. Догадался устраивать их на ночь в сарайчик. Тут у меня пошло все отлично. Ежам хорошо, и мне неплохо. Взаимопонимание полное: выйду на порог, зову колючую семейку:

— Ежки, Ежки! Обедать пора!

Бегут что есть сил ко мне.

Охотно грызли яблоки, груши, сливы. Отобедав, поспешали в палисадник охотиться на улиток, жуков, червей, гусениц. К концу лета они превратились в настоящих забавных, ушастых ежеиков. Тут их у меня разобрали знакомые.

Оставшись одна, мать-ежиха несколько не печалилась о своих ребятишках. Принялась отъедаться, жиреть. В пору красочного листопада она выкопала под корнем старой шелковицы ямку. Набила ее просохшей листвой. Не дожидаясь дождей, холода, зарылась в листву и тотчас уснула до весны.

В марте месяце она вышла из своего убежища исхудавшая, некрасивая. Я в продолжение некоторого времени кормил ежиху. Как только она набралась сил, отнес ее в лес, который звенел песенками синичек и зябликов. Выпустил на поляну, подернутую первой травкой, расцвеченную подснежниками. Ежиха осмотрелась, принялась и, не обронив ни единого звука, засемила в заросли кустарников. Мне было немного обидно и вместе с тем хорошо.